

ГЛАВА 1

Шесть недель спустя

Заканчивался июнь. В двери осторожно заглядывало шведское лето.

Комиссар уголовной полиции Петер Винстон сидел за рулем вот уже почти три часа. И даже почти семь, если считать всю дорогу от Стокгольма.

Винстон был хорошо сложен — при росте больше метра девяносто он не страдал сутулостью, свойственной многим высоким людям. Коротко стриженные светло-рыжие волосы, гладко выбритые щеки; и хотя Винстону еще не было пятидесяти, он давно уже начал седеть. Кое-кто из коллег-женщин утверждал, что седина в сочетании с вечным костюмом-тройкой придавала ему респектабельный вид — оценка, которая вызывала у Винстона неоднозначные чувства.

Сейчас Винстон сидел за рулем черного «Сааба» — одного из последних автомобилей, сошедших с конвейера, прежде чем фабрика в Тролльхеттене закрылась. Винстон всегда ездил только на «Саабах», и при мысли о том, что эта машина, с большой вероятностью, может оказаться последней, ему иногда делалось тоскливо. Именно поэтому Винстон берег ее как зеницу ока. Регулярно отгонял на техосмотр, мгновенно ликвидировал малейшую неисправность, а мыл и полировал до тех пор, пока не начинал видеть в блестящей поверхности собственное отражение.

Винстон поерзал на сиденье. Последний раз он останавливался где-то в районе Гренны, долговязому телу хотелось размяться и заправиться чашечкой хорошего кофе. Но ехать оставалось уже недолго. Точнее сказать, *наверное*, оставалось недолго.

Голос навигатора, обитавшего в мобильном телефоне, — голос, который вел Винстона уже шестьдесят миль, — вдруг зазвучал неуверенно.

— Развернитесь, — сказал он, тут же передумал и посоветовал ехать прямо, после чего снова порекомендовал развернуться.

Винстон сосредоточился на противоречивых инструкциях навигатора, отчего не обратил внимания на устроенную в полотне грунтовки решетку, которая не давала коровам бродить по дороге, и хватился, только когда покрышки с грохотом прокатились по решетке и машину тряхнуло.

Винстон тихо выругался, проверил, не повредилась ли подвеска; все было как будто в порядке. Но навигатор после встречи с решеткой окончательно утратил самообладание.

— Неизвестная дорога, — взволнованно сообщил он. — Неизвестная дорога, неизвестная дорога!

— Да слышу я, слышу, — раздраженно проворчал Винстон и выключил звук.

Он проехал еще пару сотен метров, но, поскольку его электронный штурман так и не пришел в себя, Винстон остановил машину на обочине. Всюду простирались зеленые поля, там и сям виднелись ивовые аллеи и мелкие перелески. Винстон достал из бардачка проверенные карты автомобильных дорог, но о существовании этой грунтовки, похоже, не знали даже геодезисты Королевского автоклуба.

Винстону оставалось только одно.

Прошло уже больше семи лет с тех пор, как они с Кристиной развелись, но ее номер до сих пор был у Винстона в списке контактов первым. Наверное, его давным-давно следовало заменить каким-нибудь другим. Проблема заключалась в том, что другой номер так и не появился.

Они с Кристиной познакомились почти восемнадцать лет назад, вскоре после того как Винстон начал свою службу

в убойном отделе стокгольмской полиции. Не нашли другого места для встречи, кроме как в прачечной.

«А я думала, под этой горой отжатых простыней никого нет», — язвительно заметил голос у него за спиной. Он обернулся; за спиной стояла она. Высокая, темные волосы заплетены в косу, очки сдвинуты на кончик носа (потом она призналась, что очки ей на самом деле не нужны, зато пациенты относятся к ней серьезнее).

«Меня зовут Кристина. Не Тина и не Стина, ладно?»

Оказалось, что Кристина живет выше этажом, и Винстон на той же неделе пригласил ее прогуляться.

«Вообще мне следовало бы отказаться, — заметила она. — Вы, наверное, привыкли, что женщины сразу соглашаются?»

Кристина сделала паузу, чтобы подождать, не начнет ли он протестовать; Винстон не запротестовал. Она угадала. В Винстоне было что-то, что нравилось женщинам.

«Но... — продолжила Кристина, склонив голову набок, — на этот раз я сделаю исключение. Кино и ужин. Где-нибудь, где недорого».

Они посмотрели французский фильм, и перед заключительными титрами Кристина взяла Винстона за руку. Через полгода они начали жить вместе, а еще через полгода Кристина забеременела, и они заключили брак в ратуше, всего за месяц до рождения Аманды.

Пока Аманда была маленькой, Кристина, психолог, довольствовалась частичной занятостью в психологическом центре на Мариаторгет, работая при этом над книгой и над диссертацией. Винстон меж тем делал карьеру в полиции. Прошел путь от убойного отдела до Комиссии по расследованию убийств. Объехал всю Швецию, участвовал в расследовании нескольких громких случаев и приобрел вполне заслуженную репутацию дельного следователя. Где-то по дороге — как, когда и почему осталось неясным — их брак сошел на нет. «Бывает, что что-то

просто заканчивается и никто в этом не виноват», — подытожила Кристина.

Когда ее приняли в ординатуру Лундского университета, Винстон ничего не имел против — во всяком случае если и имел, то недолго. Он не стал спрашивать Аманду, не хочет ли она остаться с ним в Стокгольме. Винстон очень любил дочь, но Кристина сильно превосходила его в родительских качествах. Аманде лучше было жить с матерью.

Так что Винстон просто помог им с переездом. Помучился, но собрал их новую мебель и с тех пор по возможности часто навещал их в Лунде.

Аманда подросла и стала ездить на поезде одна; теперь она навещала отца в Стокгольме. В последние годы визиты дочери начали становиться все более редкими, а теперь его общение с Амандой свелось в основном к переписке и видеозвонкам, отчего у Винстона кошки скребли на душе. Во всяком случае сейчас он убеждал себя, что как раз пытается исправить положение.

Кристина, как всегда, ответила после первого же гудка.

— Ты уже рядом?

— Привет, это Петер. — Фраза была в общем ненужной, но Винстон счел, что телефонный этикет ее требует.

— Ты уже рядом? — Кристина не стала делать вид, будто заметила его приветствие.

— Не совсем. Навигатор начал спотыкаться где-то после Санкт-Улофа. Я сейчас где-то в чистом поле.

— Столик с молочными бидонами видишь?

— Чего?

— Столик с молочными бидонами. Такой стол, на котором стоят пара молочных бидонов из нержавеющей стали...

— Я знаю, что такое молочный столик, — раздраженно перебил Винстон. — Я с десятков таких столиков проехал за последние пятнадцать минут. Они что, всё еще в ходу?

— Нет, конечно. Но туристы такие столики обожают. Здорово же, когда говоришь: «А я был в Сконе и видел молочный столик». А еще междугороднюю электричку, а еще конюшню.

Винстон, как всегда, не понял, издевается над ним Кристина или говорит серьезно, и сказал:

— Я только что переехал противокоровную решетку.

— А, ну тогда ты на верном пути. Кстати, я на тебя страшно злюсь. — Способность мгновенно менять тему разговора тоже была фирменным умением Кристины. — Утром я говорила с Бергквистом.

— Да? Зачем? — Винстон ощутил беспокойство. Бергквист, его шеф из Комиссии по расследованию убийств, человек холерического темперамента, имел массивную нижнюю челюсть и мешки под глазами, что придавало ему сходство с бульдогом.

— Затем, что сначала ты отказался быть на дне рождения Аманды. Так же как в последние три года. А теперь, всего за пару дней до праздника, внезапно передумал и собрался сюда, взяв двухнедельный отпуск и объяснив это спонтанным решением. Но я же тебя знаю. Где ты и где спонтанность? Вот я и позвонила Бергквисту. И выяснила, что ты болен. Ты же болен, да?

Винстон вздохнул.

— И когда ты собирался рассказать, что у тебя обмороки? — продолжала Кристина.

— Я хорошо себя чувствую, я не хотел, чтобы вы беспокоились...

Слова Винстона отчасти были правдой, но обмороки тревожили его больше, чем ему хотелось в том признаться.

Отражение в зеркале заднего вида немного изменилось, и Винстон поднял взгляд. По кустам, росшим поодаль, прошелся ветер.

— Это просто от перенапряжения, — попытался он замять тему. — Я слишком много работал, а ел и спал плохо, как ты и говоришь. Врач утверждает, что несколько недель отпуска — и все наладится. Свежий воздух и покой — единственные лекарства, которые мне нужны. — Винстон изо всех сил старался говорить убедительно, не только ради Кристины, но и ради самого себя. На самом деле он не знал, что с ним. Врач заставил его сдать множество анализов, но результатов пока не было.

Снова какое-то движение, на этот раз в боковом зеркале. Винстон вытянул шею. Что-то рядом с машиной?

Голос Кристины продолжал выговаривать ему из телефонной трубки. Что-то насчет того, что Винстону уже под пятьдесят, пора научиться следить за здоровьем. Потом, безо всякого предупреждения, из трубки зазвучал голос Аманды:

— Привет, пап, тебе еще далеко до дома?

— Привет, милая. Вряд ли... — уклончиво ответил Винстон. Он надеялся, что Аманда не слышала, как они с Кристиной говорят о его здоровье. Ему не хотелось, чтобы дочь решила, будто он приехал не только для того, чтобы поздравить ее, и сменил тему: — Поздравляю! Ты как, готова отпраздновать шестнадцатый день рождения на всю катушку?

— Да, тут просто чума затевается! Поппе с мамой арендовали громадный шатер для праздников. Оркестр, салют, целая толпа гостей. Больше сотни! Тебе *понравится*.

В последнем утверждении крылась ирония, в этом Винстон был уверен. Он терпеть не мог толпы. Он просто не видел смысла в том, чтобы обмениваться банальностями с людьми, которых он видит в первый и, скорее всего, последний раз в жизни.

Поппе, второй муж Кристины, приходился Аманде отчимом. Звали его, конечно, не Поппе, а гораздо более по-взрослому; имя его Винстон постарался не запоминать. Поппе занимался

тем, что вкладывал деньги в разнообразные проекты и владел, в числе прочего, замком в Сконе — там теперь и жили Кристина с Аmandой. Человек в стиле «охота-на-фазанов-гольф-и-красные штаны» — так Винстон описывал его, когда возникала необходимость. Но и Аманде, и Кристине этот человек нравился, так что у него, вероятно, имелись достоинства, ускользавшие от Винстона.

— Я слушала подкаст про настоящие преступления, там рассказывали об одном твоём деле, — продолжила Аманда. — Душитель из Упсалы. Так интересно! Ты его выследил по порванному шнуру, да?

Аманда в последнее время начала интересоваться работой Винстона, что грело ему душу.

— В общем, да. Хотя делом занимался не только я, и там был не только шнурок...

Машина Винстона по какой-то причине качнулась, и через боковое окошко на него вдруг воззрились чьи-то большие глаза, да так неожиданно, что Винстон чуть не заорал.

Корова. Точнее, несколько коров.

Его машину плотным кольцом окружали коровы.

— Извини, мне пора. Увидимся вечером, — проговорил Винстон по возможности твердым голосом. Пегие и буро-белые коровы, глядевшие в боковое окно, продолжали наблюдать за ним пустым взглядом; нижние челюсти у них медленно шевелились. Через несколько секунд Винстон понял, что ошибся. Это не коровы, а быки. С десяток, а то и полтора быков возникли из ниоткуда и теперь не давали его машине двинуться ни взад, ни вперед.

Винстон завел мотор и осторожно посигналил. Быки и ухом не повели. Винстон предпринял ещё одну попытку, на этот раз посигналив от души. Результата не последовало. Быки обступили «Сааб» и глазели на Винстона.

Какое-то время Винстон раздумывал, не выйти ли из машины, не разогнать ли их. Но он, во-первых, сомневался, что сможет открыть дверцу, а во-вторых, — признаться в этом было болезненно для его самолюбия — просто не решался вылезти из машины. Винстон вообще недолюбливал животных, считая их непредсказуемыми и докучливыми, и окружившее его стадо быков служило подтверждением этой точки зрения.

Винстон не мог ни тронуть машину с места, ни выйти из нее. Оставалось только сидеть и дожидаться, когда быкам надоест играть в гляделки.

«Сааб» снова качнулся: один из быков принялся чесать бок о дверцу. Винстону казалось, что он слышит, как камешки, застрявшие в шерсти, со скрежетом царапают лак. Он немного опустил стекло и попытался отпихнуть быка, но тут другой бык повернул к нему морду и попытался просунуть язык в образовавшийся проем, отчего Винстон тут же испуганно поднял стекло. Надо было признать очевидное: он будет сидеть так, пока быкам не надоест. Или пока кто-нибудь его не спасет. Но кто?

Туде Эспинг возвращалась в полицейский участок Симрисхамна. Единственный принадлежавший участку автомобиль без маркировки был на ремонте, и Туде сидела за рулем собственного старого «Вольво»-комби. В салоне машины, грязной изнутри и снаружи, пахло псиной и лошадьми одновременно — но Эспинг давно перестала обращать на это внимание.

Утро и некоторую часть дня она посвятила разнообразным допросам. Сначала съездила к фермеру, у которого украли дизель, потом — к пенсионеру, чей почтовый ящик вот уже в третий раз пострадал от банды местных квадроциклистов. Под конец поговорила с дачником, который спилил два принадлежавших коммуне дерева, портивших ему вид. Не сказать, чтобы тяжкие преступления. Не о том она мечтала, когда подавала заявление

в полицейскую школу. Но после пяти лет в патрульной машине Эспинг все же доросла до следователя. «Младший детектив», — значилось на ее новенькой служебной визитке. Эту должность Туве занимала меньше полугода и пока еще не смогла избавиться от ощущения, будто своим повышением обязана тому факту, что другой кандидатуры не нашлось. По этой причине она намеревалась поскорее разделаться с бесконечными делами, которые оставил после себя, прежде чем уйти на пенсию, ее утомившийся предшественник. Ей не хотелось становиться полицейским, который, обутый в «биркенштоки», слоняется по району с газетой в одной руке и стаканчиком кофе в другой, ожидая, когда расследование «созреет». Субботние выезды оказались хорошей идеей. Люди, как правило, были дома, и Эспинг удавалось провести несколько допросов за один раз.

Сегодня она могла бы закрыть еще три дела, итого на этой неделе — восемь. Несомненный рекорд для полиции Симри-схамна.

Эспинг с довольным видом выбила дробь на руле и слегка газанула, отчего гравий зашелкал по брызговикам. Объездной дороги, по которой она ехала, не существовало ни на одной карте. Обычное дело для Сконе — дорога через поля, о которой знают только местные.

Завидев впереди стадо быков, Эспинг сбросила скорость. Подъехав ближе, она обнаружила, что они окружают какого-то водителя, который по глупости остановился на пастбище. Водитель так и сидел за рулем, явно не решаясь выйти. Эспинг беззвучно рассмеялась. Заплутавший турист, который испугался коров. Как хорошо, что сейчас до него дотянется длинная рука закона — она же рука помощи.

Винстон заметил, что на дороге появилась еще одна машина. Красный, облезлый от старости комби с черной водительской

дверцей. Машина остановилась. Водитель вылез и без малейших колебаний направился к быкам. Точнее, направилась. Женщина — лет под тридцать, среднего роста, в плаще и высоких резиновых сапогах, с зачесанными в конский хвост светлыми волосами.

Приблизившись к быкам, она широко развела руки и решительно сказала:

— А ну давайте отсюда!

Быки не шелохнулись — только хвосты раздраженно хлестали по бокам. Винстон поймал себя на том, что затаил дыхание.

Женщина, не выказывая ни малейших признаков страха, продолжала двигаться прямо на быков. Когда до них оставалась какая-нибудь пара метров, ближайший бык двинулся прочь — сначала медленно, потом перешел на подобие галопа. Последовала цепная реакция, и через несколько секунд все стадо было уже метрах в двадцати, на лугу.

Винстон опустил окошко. Острый нос женщины усыпали веснушки. Голубые глаза были умными и внимательными.

— Спасибо за помощь! — Винстон постарался говорить беззаботно.

— Да ерунда. Они еще молодые. Любопытные, но не опасные, с ними надо только порешительнее.

У женщины был сконский выговор, с округлыми глубокими «р». Выговор, который Винстон понимал с преогромным трудом.

Эспинг рассматривала сидевшего в машине мужчину. На вид под пятьдесят, довольно приятный, если не считать озабоченного выражения на лице. Рыжеватый блондин, высокий, рубашка, галстук, жилет. Пиджак висит на специальной вешалке, пристроенной на спинке водительского сиденья. Машина сияла чистотой. Эспинг с интересом заглянула в салон. Светлая кожаная обивка без единого пятнышка, на заднем сиденье ничего

не навалено; нет ни старых парковочных квитанций, ни даже стаканчика кофе между сиденьями. Ничто не указывало ни на то, где работает этот франтоватый человек, ни на дело, которое завело его в эту глушь.

— Похоже, вы заблудились, — сказала Эспинг. — Из Стокгольма едете?

Мужчина кивнул.

Эспинг постаралась скрыть улыбку и уже готовилась задать следующий вопрос, но мужчина опередил ее.

— Вы случайно не знаете, где тут Бэкстюган?

— Бэккастюган? Знаю, конечно. — Она махнула рукой вдоль дороги. — Проедете еще метров триста — и сверните налево, сразу за молочным столиком. Знаете, что такое молочный столик?

— Да знаю я, знаю, — проворчал мужчина, ни с того ни с сего раздражившись.

Он завел мотор, коротко кивнул на прощанье и покатил дальше.

Эспинг еще какое-то время стояла, провожая машину взглядом.

И в сварливом водителе, и в его стерильно чистом авто было что-то, отчего Эспинг решила запомнить и его самого, и регистрационный номер машины.

Небольшая усадьба Бэккастюган располагалась именно там, куда направила Винстона любопытная женщина на грязном «Вольво». Белый фахверковый домик с тростниковой крышей и двустворчатыми окнами утопал в буйной зелени, окруженный каменной стеной. Посреди стены имелась увитая лозой калитка со скругленным верхом; гравийная дорожка вела от нее, петляя между высокими мальвами, к синей входной двери. Все вместе было так красиво, что походило на картинку из туристического буклета.

Винстон натянул пиджак и достал из багажника как всегда надежно упакованный чемодан. Колесики тут же увязли в гравии, и через несколько метров Винстон понял, что проще будет его понести. Калитка тихо скрипнула; вокруг Винстона с жужжанием вились пчелы и шмели, увлеченные роскошными соцветиями на клумбах и в ящиках с цветами. Июньское солнце припекало, и, когда Винстон добрался до входной двери, рубашка уже прилипла к спине.

На деревянной табличке красивыми буквами было вырезано: «Бэккастюган».

— Райский уголок, — буркнул Винстон.

Он нашел камень в ямке — там, как и говорила Кристина, оказался ключ, — отпер дверь и вошел. Дверной проем был таким низким, что Винстону пришлось пригнуться, чтобы не удариться головой.

Прихожая вела в кухню, объединенную с гостиной. Стены покрывала белая штукатурка, через потолок тянулись деревянные балки. Интерьер был сравнительно современным, а слабый запах краски указывал на недавний ремонт. Застекленные двери на задах дома выходили на веранду и лужайку; вдали виднелись роша и ручей. Здесь был даже полосатый гамак, подвешенный между двумя яблонями. Трудно было представить себе более красивое место для жизни — это пришлось признать даже такому прирожденному горожанину, как Винстон.

Повесив пиджак в прихожей, Винстон покатил чемодан к двери, которая, по его предположениям, вела в спальню. Комната оказалась светлой; из мебели тут был только маленький письменный стол и кровать.

На кровати что-то лежало.

Сначала Винстону показалось, что это овечья шкура, но шкура задвигалась, и Винстон понял, что перед ним крупный пушистый кот. Винстон замер. Кот удивленно и в то же время

возмущенно уставился на него, словно это Винстон вторгся на территорию кота, а не кот на территорию Винстона.

При мысли о кошачьей шерсти Винстона передернуло. Он ничего не имел против шерсти или волос, пока они росли на звере или человеке, но, будучи отделенными от своего владельца, они превращались в неприятные биологические отходы, от которых лучше держаться подальше.

— Брысь, — сказал Винстон, надеясь изгнать кота, но впечатлил его не больше, чем давешних быков. Кот продолжал сердито взирать на него.

Винстон задом отступил в кухню, надеясь найти какое-нибудь подходящее для выдворения кота орудие, и его взгляд упал на лежавшую на кухонном столе газету. «Симбрисхамнсбладет», прочитал он, сворачивая газету трубкой. Старомодный шрифт, с заглавной «С» и с «Б», втиснутой после «М».

Винстон торопливо вернулся в спальню. Когда он задел головой о низкую притолоку, раздался глухой стук.

— Черт! — прошипел он и уронил газету.

Из-за стука или из-за ругательства, но кот тут же спрыгнул с кровати, шмыгнул мимо Винстона и просочился в кошачий лаз, устроенный в двери.

Винстон потер лоб, чтобы унять боль, извлек из чемодана липкий ролик и принялся тщательно водить им по месту, где валялся кот. Винстон не сдавался до тех пор, пока на покрывале не осталось ни одной шерстинки. Потом он на всякий случай провел роликом по собственной одежде.

В чулане обнаружилась коробка с лампочками и кое-какими инструментами, а в глубине лежал моток серебристого скотча. Винстон принес скотч в прихожую и решительно заклеил кошачий лаз, после чего, довольно насвистывая, принялся распаковывать вещи — как будто сражение с котом подняло ему настроение.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

